

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-197-201

Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЮРЬМЫ: КОНСТИТУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДУ ТЕЛОМ И ИНСТИТУЦИЕЙ

Аннотация. В статье предпринято феноменологическое исследование процесса конституирования идентичности осужденного в условиях пенитенциарного учреждения. Опираясь на концептуальный аппарат Эдмунда Гуссерля (феноменологическая редукция), Мориса Мерло-Понти (тело как первичный способ бытия-в-мире) и Мишеля Фуко (дисциплинарное тело как объект властных практик), автор рассматривает тюрьму не просто как место заключения, а как экзистенциальное пространство. Анализируется, как режим, униформа, телесные ограничения и ритуалы повседневности формируют новый тип субъективности. Особое внимание уделяется тому, как предельный телесный опыт в виде голода, холода, сексуальной депривации, тактильной недостаточности переопределяет границы психики и сознания, ведя к формированию особой «тюремной» идентичности, существующей в напряженном поле между живым телом (Leib) и социальным институтом. Дополнительно рассматривается темпоральный аспект заключения и феномен татуировки как попытка возвращения авторства собственному телу.

Ключевые слова: феноменология, идентичность осужденного, дисциплинарное тело, телесный опыт, Мерло-Понти, Фуко, Гуссерль, пенитенциарная система, депривация, субъективация, темпоральность, татуировка.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service"

PRISON PHENOMENOLOGY: CONSTITUTIONALIZING CONVICT IDENTITY IN THE SPACE BETWEEN BODY AND INSTITUTION

Annotation. The article undertakes a phenomenological study of the process of constituting the identity of a convict in a penitentiary institution. Drawing on the conceptual apparatus of Edmund Husserl (phenomenological reduction), Maurice Merleau-Ponty (the body as the primary way of being-in-the-world) and Michel Foucault (the disciplinary body as the object of power practices), the author sees the prison not simply as a place of detention, but as an existential space. It analyzes how mode, uniform, bodily limitations and rituals of everyday life form a new type of subjectivity. Particular attention is paid to how the ultimate bodily experience in the form of hunger, cold, sexual deprivation, tactile insufficiency redefines the boundaries of the psyche and consciousness, leading to the formation of a special "prison" identity that exists in the tense field between the living body (Leib) and the social institution. Additionally, the temporal aspect of the conclusion and the tattoo phenomenon are considered as an attempt to return authorship to one's own body.

Key words: phenomenology, convict identity, disciplinary body, bodily experience, Merleau-Ponty, Foucault, Husserl, penitentiary system, deprivation, subjectivation, temporality, tattoo.

Введение. Тюрьма как социальный институт давно стала объектом изучения социологии и права. Однако за стенами исправительных учреждений, за статистикой рецидивов и описанием

субкультурных кодов скрывается фундаментальный философский вопрос: что происходит с человеком, когда его бытие редуцируется к чистому телу, помещенному в жесткие координаты режима? Как справедливо отмечают Н.Г. Югов и А.Д. Назаров, во многих исследованиях подробно рассматривается история заключения, быт и условия содержания, но не то, кем и как заключенный себя чувствует в стенах колонии, и то, какие практики он проходит [1]. Настоящая работа ставит целью восполнить этот пробел, применяя методологический инструментарий классической феноменологии и постструктурализма для анализа процессов субъективации в условиях тотальной институции. Философская традиция, идущая от Гуссерля через Мерло-Понти к Фуко, позволяет увидеть в тюремном заключении не просто юридическую санкцию, но особый модус существования, где телесность становится одновременно местом страдания и последним убежищем самости.

Методологический ключ: феноменологическая редукция и опыт Другого. Отправной точкой нашего исследования служит гуссерлевская феноменологическая редукция, или эпохе. Как подчеркивает А.Э. Савин, целью этой процедуры является очищение от эмпирического, фактического содержания феноменов сознания, прокладывание путей к «усмотрению сущности» [2]. Применительно к нашей теме это означает требование «вынести за скобки» обыденное представление о тюрьме как о просто «месте лишения свободы» и попытаться увидеть ее как конституируемый феномен, как мир, который строится заново через призму сознания заключенного. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом: тюрьма насильственно осуществляет собственную версию редукции, но не к трансцендентальному сознанию, а к голому существованию, к телу, лишенному своих привычных атрибутов.

Однако, следуя за Мерло-Понти, мы должны признать, что сознание не есть бесплотный дух. «Быть сознанием» значит быть привязанным к миру через тело. Как отмечается в современных прочтениях его философии, Мерло-Понти проясняет, что до того, как мы осознаем что-либо эксплицитно, мы уже придаем смысл через наши воплощенные действия, через «моторную интенциональность» [3]. Тело это не объект среди прочих объектов (*Körper*), а способ нашего бытия в мире (*Leib*), наша точка зрения на мир. В тюрьме эта истина обретает трагическую конкретность. Осужденный не просто имеет тело, которое подвергается ограничениям; он есть это тело, и через него он вынужден заново выстраивать отношения с реальностью. Более того, развивая феноменологическую традицию, именно в ситуации кризиса или насилия тело перестает быть ней-

тральным посредником и становится главным действующим лицом драмы существования, обнажая ту онтологическую истину, что человек не обладает телом, но является телом [4]. Тюрьма есть хронический, длящийся кризис такого рода.

Дисциплинарное тело как продукт институции. Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать» предлагает исторический срез того, как тело становится объектом политических технологий. Как анализирует И.А. Коркишко, в своих поздних работах Фуко связывает знание с властными дискурсами, которые начинают играть активную роль в формировании истины, а сам процесс трансформации эпистем может быть воспринят как политический процесс, влияющий на социальную организацию [5]. Тюрьма в этом смысле становится идеальной машиной для производства «дисциплинарных тел». Распорядок дня, унификация одежды, построения, запрет на определенные позы и жесты, все это создает феноменологическую редукцию наоборот. Если Гуссерль призывал редуцировать мир к чистому сознанию, то тюрьма редуцирует человека к чистому объекту, к телу, которое должно быть послушным и полезным. Это механизм объективации.

Однако, развивая мысль Фуко, дисциплинарное тело можно рассматривать не просто как место приложения властных эффектов, но как место оспаривания власти [6]. Именно в этом зазоре между тотальным внешним контролем и внутренним переживанием этого контроля и начинает формироваться новая идентичность. Власть, по Фуко, не просто подавляет; она производит реальность. Она производит субъекта, который затем может этот субъектный статус обратить против самой власти. Тюремная субкультура с ее жестким кодексом, иерархией и языком есть продукт такого обращения, попытка обрести автономию в условиях тотальной гетеронимии.

Телесная депривация как механизм переопределения границ психики. Ключевым моментом нашего исследования является тезис о том, что именно через экстремальный телесный опыт происходит трансформация субъективности. Голод, холод, хронический недостаток сна, сексуальная депривация и вынужденная тактильная изоляция это не просто «отягчающие обстоятельства» отбывания наказания. Это активные факторы, формирующие новую онтологию. В нормальном, «внешнем» мире тело является фоном нашей интенциональной активности. Мы не замечаем его, пока оно здорово, подобно тому как мы не замечаем воздуха, которым дышим. В тюрьме тело перестает быть фоном. Оно становится фигурой, источником постоянного, неумолимого страдания. Холод пронизывает сознание, голод

структурирует время вокруг мысли о еде, сексуальная депривация ведет к сублимации или деформации влечений, часто принимающих агрессивные или аутоагрессивные формы.

Психологическое исследование Т.А. Ребеко, проведенное с девушками-подростками, отбывающими наказание в колонии, показывает глубинную связь дефицита телесного опыта и деформации идентичности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что данная выборка характеризуется дефицитом телесности, слабой дифференцированностью телесного опыта, спутанностью женского/мужского, неразличением морального и аморального [7]. Хотя это исследование касается дефицита телесности как предпосылки преступления, оно позволяет провести аналогию в обратную сторону: тюремный режим, гипертрофируя телесность через страдание, также разрушает тонкую дифференциацию «Я». Граница психики и мира, которая в норме является подвижной и проницаемой, начинает огрубевать, стираться или, напротив, патологически укрепляться. Осужденный вынужден постоянно прислушиваться к телу: не замерз ли я, не отняли ли мою миску, достаточно ли я силен, чтобы дать отпор. Эта постоянная соматическая настороженность конституирует новый тип восприятия времени и пространства.

Темпоральность заключения: между вечностью и расписанием. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о времени. Феноменология времени, разработанная Гуссерлем в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», предполагает, что наше восприятие длительности основано на единстве ретенций (удержаний прошлого) и протенций (ожиданий будущего). В тюрьме эта структура разрушается. Режим лишает будущее его интенциональной насыщенности: осужденный часто не знает точно, когда выйдет на свободу (в случае длительных сроков), или знает, но это будущее столь отдалено, что перестает быть ориентиром. Протенции атрофируются, время перестает течь к цели. Оно застывает в дурной бесконечности повторения одного и того же дня. Как точно выразился один из бывших осужденных в мемуарной литературе, «в тюрьме время не идет, оно стоит, а ты проходишь сквозь него».

Одновременно время фрагментируется институцией на жесткие, дискретные отрезки: подъем, завтрак, проверка, работа, обед, проверка, ужин, отбой. Это время не принадлежит субъекту, оно принадлежит распорядку, навязанному извне. Такая двойственность – это застывшая вечность срока и механическая дискретность режима, она создает уникальный темпоральный опыт, который можно назвать «пульсирующей статикой». Сознание, не находя опоры в

естественном течении времени, вынуждено либо погружаться в аутизм, в грезы о прошлом, либо цепляться за микроскопические события внутренней жизни (ссора с соседом, получение передачи), которые искусственно структурируют пустоту.

Телесная автономия: татуировка как акт письма на себе. В ситуации, когда тело является единственным неотчуждаемым владением, оно становится холстом, на котором осужденный пытается восстановить утраченное авторство собственной жизни. Наиболее ярким феноменом здесь выступает тюремная татуировка. Это не просто украшение или знак принадлежности к криминальной иерархии, как часто трактуется в криминологической литературе. С феноменологической точки зрения, татуировка есть акт возвращения себе живого тела (Leib) из плена тела-объекта (Körper). Институция стремится сделать тело стандартным, обезличенным, одетым в униформу и лишенным знаков индивидуальности. Татуировка, наносимая подпольно, часто кустарным способом, через боль, возвращает телу уникальность. Это письмо на себе, декларация: «я еще здесь, я еще могу решать, что будет на моей коже».

Боль при нанесении татуировки в условиях отсутствия анестезии и антисанитарии также имеет конституирующее значение. В мире, где тело является источником страдания пассивного (холод, голод), добровольное принятие боли становится актом суверенности. Осужденный доказывает себе и другим, что он способен контролировать боль, а не только быть ее объектом. Кроме того, татуировка работает на идентификацию с группой: нанесение определенных символов означает принятие тюремного кодекса, вхождение в новую социальную реальность. Таким образом, татуировка выступает мостом между индивидуальным телесным переживанием и коллективным, институциональным миром тюрьмы. Это видимый знак того, что идентичность осужденного конституируется в пространстве между телом и институцией.

Формирование новой субъективности: от выживания к идентичности. Как же в этих условиях конституируется идентичность? Следуя мысли Мерло-Понти о том, что существование всегда включает в себя воплощенность, мы должны признать, что идентичность осужденного строится не вопреки телу, а через него. Если на свободе идентичность поддерживается множественностью социальных ролей, нарративов и объектов обладания, то в тюрьме единственным неотъемлемым достоянием остается тело. В ситуации тотальной депривации тело становится последним бастионом самости. Именно через тело осужденный заявляет о себе: через татуировки,

покрывающие кожу, через демонстрацию физической силы или, наоборот, через аскетическое подавление телесных потребностей. Здесь рождается феномен «тюремной закалки» как культивируемое безразличие к боли и холоду как способ доказать себе и другим свою субъектность. Институтация стремится сделать тело прозрачным и послушным, а субъект через это же тело обретает новую, часто негативную идентичность («я тот, кто выдержал», «я тот, кого не сломали»).

Однако это обретение идентичности глубоко амбивалентно. Интериоризация тюремных норм и правил, о которой писал Фуко, ведет к тому, что границы психики переопределяются в соответствии с границами институции. Осужденный начинает мыслить категориями режима, порядка, иерархии. Его внутренний мир сужается до размеров камеры или отряда. Югов и Назаров, ссылаясь на работы Э. Фромма и Дж. Мида, подчеркивают, что формирование идентичности происходит через приобретение отличительного признака, идентифицирующего с группой, и через принятие роли Другого. В тюрьме этим Другим становится надзиратель, «вор в законе» или «опущенный». Социальная роль усваивается настолько глубоко, что даже после освобождения человек продолжает нести на себе это клеймо, эту телесную память о заключении. Осанка, взгляд исподлобья, привычка говорить шепотом или, наоборот, излишне громко, неспособность спать при открытой двери – все это телесные маркеры идентичности, сформированной в пространстве между живым телом и мертвящей институцией. Человек оказывается заложником тела, которое помнит то, что сознание предпочло бы забыть.

Заключение. Феноменология тюрьмы раскрывает перед нами трагический парадокс: институтация, призванная исправлять через дисциплину тела, неизбежно порождает субъективность, для которой это тело становится единственным убежищем и одновременно главным врагом [8; 9]. Конституирование идентичности осужденного происходит в мучительном зазоре между тем, чтобы быть объектом власти (телом-вещью, *Körper*) и тем, чтобы оставаться живым, чувствующим телом (*Leib*). Голод, холод и депривация не просто ограничивают потребности, но переопределяют границы сознания, заставляя психику адаптироваться к условиям перманентного стресса. Новая субъективность, возникающая в этих условиях, представляет собой сплав защитных механизмов, интериоризированных норм и негативной свободы, обретаемой в сопротивлении. Тюрьма, таким образом, предстает не просто как место наказания, но как гигантская фабрика по производству специфического антропологического типа, человека, чья

идентичность навсегда сохраняет память о травме дисциплинарного тела. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть направлены на сравнительный анализ феноменологического опыта заключенных в различных пенитенциарных системах, а также на изучение феномена «возвращения», того, как трансформированная тюрьмой субъективность вновь адаптируется к миру свободы, где тело перестает быть главным источником страдания и идентичности.

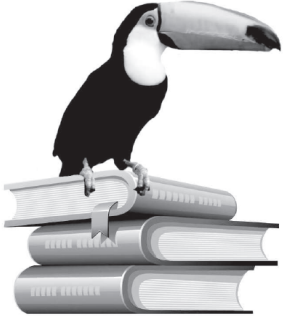
Список литературы:

- [1] Югов Н. Г., Назаров А. Д. Механизмы формирования идентичности // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3. С. 67–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-formirovaniya-identichnosti> (дата обращения: 24.02.2026).
- [2] Савин А. Э. О понятиях эпохи и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 2. С. 19–32. URL: <https://bigenc.ru/b/o-poniatiiakh-epokhe-i-reduksii-0d6e96> (дата обращения: 24.02.2026).
- [3] Gallagher S. Merleau-Ponty's Phenomenology of Perception // *Topoi*. 2010. Vol. 29. P. 183–185. DOI: 10.1007/s11245-010-9079-y.
- [4] Cote M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76 // *Labour History*. 2004. No. 87. P. 257–259. DOI: 10.2307/27515985.
- [5] Коркишко И. А. Трансформация понимания знания в философии культуры Мишеля Фуко: от эпистем к дисциплине // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2025. № 1. С. 148–160. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148.
- [6] Provost M. Elsa Dorlin. 2017. *Se défendre. Une philosophie de la violence: Vers une phénoménologie de la violence défensive* // *GLAD!*. 2018. No. 4. DOI: 10.4000/glad.1093.
- [7] Ребеко Т. А. Репрезентация телесности и организация психологической помощи осужденным // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 321–333. EDN: TACUBH.
- [8] Искандаров Р. Р. Пенитенциарная психиатрия в философском аспекте: онтология, антропология, эпистемология, аксиология // Образование и право. 2025. № 9. С. 296–299. EDN: SGGGZE.
- [9] Искандаров Р. Р. Социальные связи в изоляции: ресурс и риск для лиц с зависимостями и психическими расстройствами в пенитенциарной системе // Право и управление. 2025. № 6. С. 359–363. EDN: FVPPJF.

References:

- [1] Yugov N. G., Nazarov A. D. Mechanisms of identity formation//Domestic jurisprudence. 2018. № 3. S. 67-69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-formirovaniya-identichnosti> (дата обращения: 24.02.2026).
- [2] Savin A.E. On the concepts of the era and reduction in Edmund Husserl's Ideas I//News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2013. № 2. S. 19-32. URL: <https://bigenc.ru/b/o-pon-iatiikh-epokhe-i-reduksii-0d6e96> (access date: 24.02.2026).
- [3] Gallagher S. Merleau-Ponty's Phenomenology of Perception // Topoi. 2010. Vol. 29. P. 183-185. DOI: 10.1007/s11245-010-9079-y.
- [4] Cote M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975-76 // Labour History. 2004. No. 87. P. 257-259. DOI: 10.2307/27515985.
- [5] Korkishko I. A. Transformation of understanding knowledge in the philosophy of culture of Michel Foucault: from epistems to discipline//Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2025. № 1. S. 148-160. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148.
- [6] Provost M. Elsa Dorlin. 2017. Se défendre. Une philosophie de la violence: Vers une phénoménologie de la violence défensive // GLAD!. 2018. No. 4. DOI: 10.4000/glad.1093.
- [7] Rebeko T. A. Representation of physicality and organization of psychological assistance to convicts//Methods of psychological support of professional activities and technology for the development of human mental resources/resp. ed. L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014. PP. 321-333. EDN: TACUBH.
- [8] Iskandarov R. R. Penitentiary psychiatry in the philosophical aspect: ontology, anthropology, epistemology, axiology//Education and law. 2025. № 9. S. 296-299. EDN: SGGGZE.
- [9] Iskandarov R. R. Social connections in isolation: resource and risk for persons with addictions and mental disorders in the penitentiary system//Law and management. 2025. № 6. S. 359-363. EDN: FVPPJF.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.